

Теория Л.С. Выготского и кросс-культурные различия в ингрупповой идентификации (американо-российское исследование)

Ю.В. Ставропольский

кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии
Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

Исследование представляет собой попытку внести вклад в развитие кросс-культурной психологии со стороны отечественной психологической науки, поскольку у истоков становления кросс-культурной психологии находился выдающийся отечественный психолог и мыслитель Л.С. Выготский. Исследование представляет собой факторный анализ ингрупповой этнокультурной идентичности российских и американских респондентов. Испытуемым был предложен опросник Multigroup Ethnic Identity Measure (автор Дж. Финни). Получены подтверждения принципиального положения культурно-исторической теории Л.С. Выготского о том, что интрапсихическое рождается из интерпсихического. Установлены межкультурные различия в структуре ингрупповых идентификационных приоритетов российских и американских респондентов.

Ключевые слова: идентичность, этнокультурный, ингруппа, фактор, вовлеченность, аспект, сравнение.

Кросс-культурная психология рассматривается за рубежом в качестве четвертой силы в психологии, которой суждено стать в XXI в. Несмотря на то, что выдающиеся российские психологи Л.С. Выготский и А.Р. Лурия во всем мире признаются основоположниками кросс-культурной психологии [7], в России кросс-культурная психология полномасштабного развития не получила. Проведенное нами исследование — это попытка внести свой вклад в развитие кросс-культурной психологии.

Игнорирование кросс-культурной перспективы приводит к тому, что научное обсуждение проблем идентичности в современных мультикультурных сообществах ограничено конкретной исследовательской проблематикой, не основано на строгой методологии и не образует логически последовательного и внутренне структурированного научного поля. Научные дискуссии, которые возникают на различных уровнях, связаны либо с социетальными, либо с личностными аспектами проблематики идентичности и не способствуют интегрированному обобщению имеющихся исследований.

Исследования культуры и «я-концепции» также значимым образом согласуются с идеей о том, что идентичность — это и личностный, и социальный феномен. Кросс-культурные различия — это, скорее, вопрос степени, чем качества. Кросс-культурная перспектива возродила интерес к социальным аспектам «я» и к тому, в какой степени люди определяют себя в отношениях с другими людьми и социальными группами. Центральная идея этой перспективы состоит в том, что идентификация — это не просто аффилиация и альянсы между «я» и дру-

гими, но и то, каким способом конструируется «я». Социальное «я» репрезентирует расширение «я-концепции» до чего-то более инклюзивного, нежели индивидуальная личность.

Основной вопрос социальной психологии — это вопрос о том, почему люди общаются друг с другом. Несмотря на долгую историю исследования феномена идентичности, логически последовательная психология идентичности не сложилась.

В связи с этим **целью исследования** является проведение факторного анализа ингрупповой этнокультурной идентификации российских и американских респондентов; определение психологического наполнения факторов, образующих комплекс идентификационных «мы»-аспектов; сопоставление полученных факторов в обеих выборках с целью установления межкультурных сходств и различий в ингрупповой этнокультурной идентификации.

Метод

Эмпирическую базу исследования составили данные серии исследований, проведенных автором в 2001–2006 гг. Всего было опрошено в 2001 г. 202 респондента в США в Международном центре научных исследований имени Вудро Вильсона, одним из подразделений которого является Институт перспективных российских исследований имени Дж. Кеннана, (город Вашингтон, округ Колумбия) и в университете штата Мэриленд (город Колледж-Парк, штат Мэриленд). По критерию этнорасовой принадлежности американские респонденты в на-

шем исследовании оказались распределены следующим образом. Доля респондентов, идентифицирующих себя с доминантной этнокультурной группой — американцы европейского происхождения или белые американцы, — 32,2%. Доля респондентов, идентифицирующих себя с недоминантной специфической этнокультурной группой, — 53,5%, а американцы азиатского происхождения, включая китайцев, японцев и других — 14,4%, афроамериканцы — 28,7%, латиноамериканцы — 9,4%, американские индейцы — 1,0%, иные — 2,5%. Доля недоминантной неспецифической этнокультурной группы в американской выборке нашего исследования (респонденты от смешанных браков) составляет 11,9%.

Во второй части нашего исследования, осуществленной в России в 2005 г., были опрошены 244 респондента из числа студентов Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. Доля респондентов, идентифицирующих себя с доминантной этнокультурной группой (русской), — 73,0%. Доля респондентов, идентифицирующих себя с недоминантной специфической этнокультурной группой (казахи, украинцы, чуваша, татары, азербайджанцы, ассирийцы, армяне, — 9,4%. Доля недоминантной неспецифической этнокультурной группы в российской выборке нашего исследования (респонденты от смешанных браков) составляет 17,6%.

Методология эмпирического исследования представлена процессом комплексного (последовательного) использования количественных методов: корреляционного, дисперсионного и факторного анализа. Общий план эмпирического исследования согласуется с принятой в кросс-культурной психологии моделью измеренных этнических коррелятов [12].

Предложенная испытуемым анкета объединила опросник Multigroup Ethnic Identity Measure (автор Дж. Финни) [11] и вопросы, позволяющие оценить социально-экономический статус респондентов: уровень образования, семейное положение, совокупный доход семьи и т. п.

Опросник Multigroup Ethnic Identity Measure (MEIM) в редакции 1992 г. нацелен на выборки, состоящие из студентов колледжей и учеников старших классов школ. Данный опросник состоит из 12 пунктов, таких, как «У меня существует ясное ощущение моей этнической принадлежности и осознание того, что она для меня значит»; «Я много думаю о том, каким образом моя этническая принадлежность повлияет на мою жизнь» и т. п. Формат ответов: «абсолютно согласен (согласна)», «согласен (согласна)», «затрудняюсь выразить свое отношение», «не согласен (не согласна)», «категорически не согласен (не согласна)». Для выполнения опросника MEIM отводится время от полутора до трех минут. Подсчитываются средние значения по двум шкалам: «этническая идентичность» (когнитивный компонент) и «вовлеченность» (аффективный компонент).

Полученные методом анкетного опроса данные были подвергнуты статистической обработке при помощи компьютерной программы SPSS for MS

WINDOWS Release 6.1. Определялись значения средних величин и стандартных отклонений для переменных из этих опросников. Нами был применен метод главных компонент, позволяющий выделить факторы из массива данных. В SPSS for MS WINDOWS Release 6.1 предусмотрена проверка теста Бартлетта (Bartlett) о сферичности распределения данных. Проверка теста Бартлетта подтвердила многомерную нормальность распределения полученных нами данных. Для повышения интерпретируемости факторов методом варимаксного вращения (нормализация по Кайзеру) была улучшена контрастность матрицы факторных нагрузок.

Результаты, выводы и перспективы

Начиная с теории Л.С. Выготского об опосредованном действии [1] отмечается возврат интереса приверженцев разных концепций к исследованиям социализации [13]. С позиций культурно-исторической теории Л.С. Выготского, функционирование «я» — лингвистический процесс, имеющий деятельностную природу [8]. Деятельностный (функциональный) подход к функционированию и развитию «я» обладает преимуществом, а именно: процессы социализации локализуются в формах и функциях повседневного дискурса. С этой точки зрения, «я» предстает диалогическим процессом, постоянной основой которого оказывается межличностный интерактивный диалог с самим собой и с другими. Этот диалогический процесс является рефлексивным — он совершается в переходах от настоящего (субъективное «я») к прошлому (объективное «я») и к будущему («ты»).

В структуре переменных, образующих ингрупповую этнокультурную идентичность американских и российских респондентов, присутствуют, во-первых, активные действия; во-вторых, эмоции и субъективные переживания, связанные с принадлежностью к этнокультурной ингруппе.

С целью исследования структуры «мы»-аспектов ингрупповой идентичности американских и российских респондентов нами был применен метод главных компонент, позволивший выделить факторы из массива данных. В результате факторизации переменных субшкальных показателей в обеих группах респондентов выявлены два психологических фактора.

Фактор 1 коррелирует прежде всего с психологическими переживаниями индивида по поводу своей этнокультурной принадлежности, вызванной когнитивной идентификацией с ингруппой, и не связан либо весьма слабо связан с совершением конкретных действий, необходимых вытекающих из идентификации с ингруппой, а также с совершением таких действий, связанных с осознанием собственной принадлежности к ингруппе, которые потенциально способны отразиться на судьбе человека, идентифицирующего себя с ингруппой. Поэтому фактор 1 мы назвали фактором «внутриличностной вовлеченности в ингруппу».

Таблица 1

Матрица факторных нагрузок фактора «внутриличностная вовлеченность в ингруппу» американских респондентов после вращения факторов (VARIMAX)

Название переменной	Значение факторной нагрузки
Я очень горжусь своей этнической группой	0,87
Моя культурная и этническая принадлежность создает у меня позитивное самоощущение	0,87
Я счастлив(а), что принадлежу именно к данной этнической группе	0,83
У меня сильно ощущение принадлежности к моей этнической группе	0,78
Я чувствую сильную привязанность к моей этнической группе	0,72
У меня существует ясное ощущение моей этнической принадлежности и осознание того, что она для меня значит	0,60
Я достаточно хорошо понимаю, что значит для меня принадлежность к моей этнической группе	0,55

Переменные, образующие структуру фактора 2, выражают *объективное* «мы», поэтому мы назвали фактор 2 эксплицитной личностной идентичности американских респондентов фактором «межличностной вовлеченности в ингруппу».

По мере развития этнокультурной идентичности от стадии иммерсии к стадии синергетического присоединения и принятия культур через стадию интроспекции [3, с. 198], т. е. от статуса предпрешенной идентичности к статусу достигнутой идентичности (в терминологии статусного подхода Дж. Марсии), для личности значение фактора 2 «межличностная вовлеченность в ингруппу» будет ослабевать, поскольку развитие личности в указанном направлении сопровождается уменьшением зависимости личности от ингруппы и возрастанием личностной автономии, в противовес личностной гетерономии, следовательно, значение для личности фактора 1 «внутриличностная вовлеченность в ингруппу» по мере совершения процесса

становления автономной идентичности будет возрастать.

На стадии синергетического принятия культур личность сохраняет лояльность и преданность по отношению к этнокультурной ингруппе, но не считает для себя обязательным следовать нормам и ценностям этнокультурной ингруппы. Определяющим мотивом поведения человека на стадии синергетического принятия культур становится признание приоритета уникальной индивидуальности каждого человека и автономности человеческой личности. В результате этого процесса влияние на личность фактора «межличностная вовлеченность в ингруппу», предполагающего открытие личностью новых альтернатив идентичности, будет ослабевать по мере приближения к состоянию статуса достигнутой идентичности.

В американской выборке фактор «внутриличностная вовлеченность в ингруппу» коррелирует с теми переменными, которые отражают не эмоциональ-

Таблица 2

Матрица факторных нагрузок фактора «межличностная вовлеченность в ингруппу» американских респондентов после вращения факторов (VARIMAX)

Название переменной	Значение факторной нагрузки
Я принимаю активное участие в организациях и мероприятиях, большинство членов которых — представители моей этнической группы	0,74
Я много думаю о том, каким образом моя этническая принадлежность повлияет на мою жизнь	0,73
Я поддерживаю культурные традиции своей этнической группы: в пище, в музыке, в обычаях	0,57
Я уделил(а) какое-то время тому, чтобы больше узнать о моей этнической группе, о ее истории, традициях и обычаях	0,47
Для того чтобы больше узнать о своей этнической принадлежности, я часто разговаривал с другими людьми о моей этнической группе	0,44

но-аффективный аспект имплицитной групповой идентификации, а *когнитивный аспект*. Мы предполагаем, что в американской выборке когнитивное осознание менее способствует переживанию положительных эмоций в отношении этнокультурной ингруппы, нежели степень близости и тесных связей с ингруппой. Иными словами, позитивные эмоции и позитивное самоотношение в американской выборке в связи с ингрупповой самоидентификацией возникают на основе тесных отношений с другими представителями ингруппы, а не рефлексии по поводу этих отношений. Когнитивное осмысление этногрупповой самоидентификации в половине случаев может вызывать позитивные эмоции и в половине случаев — негативные эмоции.

Активное *со-участие* в ингруппе сильнее всего связано с субъективным переживанием привязанности и с объективным поддержанием культурных традиций ингруппы. Иными словами, культурное «со-участие», причастность к ингруппе и вовлеченность в нее неразделимы с внутриличностным переживанием «со-участия», причастности к ингруппе и к вовлеченности в нее. Внутриличностное и межличностное «со-участие», причастность и вовлеченность в ингруппу тесно между собой связаны, тем самым подтверждается принципиальное положение культурно-исторической теории развития высших психических функций Л.С. Выготского о том, что интрапсихическое рождается из интерпсихического [2].

Активная вовлеченность в ингруппу, проявляющаяся в конкретных действиях, направленных на сближение с ее членами, сопровождается активизацией эмоциональной и когнитивной сфер личности. Идентификация с ингруппой представляется целовещу, который тесно вовлечен в активную деятельность, обусловленную этой идентификацией, естественной и само собой разумеющейся, не предполагающей иных альтернатив. Соответственно, минимальным становится обдумывание личностью альтернатив самоидентификации, сознание такой личности менее развито. Речь идет о статусе предрешенной идентичности (Дж. Марсиа) или о стадии иммерсии (Д. Эткинсон, Дж. Мортен, Д. Сью), для которой характерно сильное чувство гордости от идентификации себя с ингруппой. Личностная идентичность и автономность оказываются в тени групповой самоидентификации: интрапсихическое возникает из интерпсихического.

Высокий уровень позитивного самоотношения вследствие осознания собственной этнокультурной принадлежности характерен не только для специфических недоминантных этнокультурных ингрупп в американском обществе (афроамериканцы, латиноамериканцы, американцы азиатского происхождения), но и для представителей достаточно аморфной и в определенной степени искусственно образованной неспецифической недоминантной ингруппы американских респондентов, являющихся потомками смешанных браков. Высокий уровень позитив-

ного самоотношения, производный от осознания культурной и этнорасовой принадлежности, у последних можно объяснить осознанием уникальности собственной гетерогенности и своей нетождественности другим этнокультурным группам американского общества. Требуется признать, что для (внутриличностной) самоидентификации приоритетное значение имеет *осознание собственной культурной и этнорасовой специфичности, осознание своей особенности — это и есть самоидентификация*.

Осознание собственной культурной и этнической идентичности сопровождается позитивным самоотношением независимо от того, с какой именно этнокультурной группой идентифицирует себя личность — доминантной или недоминантной, конкретной или условной. Было бы неточным утверждать, что осознание идентичности влечет за собой позитивное самоотношение. Точнее сказать, что *осознание своей культурной и этнической принадлежности на когнитивном уровне проявляется как позитивное самоотношение на эмоциональном уровне*. Самоидентификация переживается позитивно, даже если это самоидентификация с недоминантной культурой. Отсутствие самоидентификации на когнитивном уровне (маргинальная или диффузная идентичность) переживается негативно на эмоциональном уровне. Единый феномен самоидентификации имеет два нерасторжимых аспекта: когнитивный (осознание культурной и этнической принадлежности) и эмоционально-аффективный (позитивное самоотношение).

Отсутствие корреляций между этнокультурной принадлежностью к определенной ингруппе и позитивным самоотношением (для американской выборки коэффициент корреляции Пирсона $r = 0,04$, коэффициент корреляции Спирмена $r = 0,07$; аналогично для российской выборки коэффициент корреляции Пирсона $r = 0,03$, коэффициент корреляции Спирмена $r = 0,04$) заставляет предполагать, что этнорасовая принадлежность и позитивное самоощущение, которое продуцируется вследствие ее осознания — это не две особые переменные, а две грани одной и той же переменной: с одной стороны, идентичность и этногрупповая принадлежность как феномен, а с другой — феноменальное осознание идентичности и ингрупповой принадлежности и неотделимое от него позитивное самоотношение.

Большая степень осознанности этнокультурной идентичности на групповом уровне среди представителей конкретных этнокультурных групп, не идентифицирующих себя с доминантной культурой, объясняется степенью дистанции от доминантной культуры и герметичностью либо транспарентностью ингрупповых границ.

Очевидно, что *с увеличением межкультурной дистанции усиливается действие механизма, который Г. Тэджфел назвал процессом социального сравнения* [16]. По этой причине наиболее категоричные ответы были получены от респондентов, принадлежавших к этнокультурной группе, наиболее контрастной по сравнению с доминантной культурой, где межкульту-

турная дистанция между этой ингруппой и доминантной культурой наибольшая, соответственно, процесс социального сравнения действует наиболее интенсивно и усиливает осознание групповой идентичности и вовлеченность в ингруппу на межличностном уровне. Речь идет прежде всего об афроамериканцах.

Однако за истекшие несколько столетий собственно африканская культура была во многом утрачена самими афроамериканцами, поэтому афроамериканская этнокультурная ингруппа во многом диффузна. В связи с этим наиболее уверенные и максимальные показатели осознанности групповой иден-

тичности и межличностной вовлеченности в ингруппу нами были получены у представителей этнокультурной ингруппы с наиболее герметичными ингрупповыми границами — латиноамериканцев.

Промежуточную позицию между этими двумя ингруппами — афроамериканской и латиноамериканской — занимает ингруппа, межкультурная дистанция которой от доминантной культуры не столь значительна, как у афроамериканцев, а герметичность ингрупповых границ не столь непроницаема, как у латиноамериканцев, — это американцы азиатского происхождения.

Таблица 3

Сравнительный анализ показателей фактора «внутриличностная вовлеченность в ингруппу» американских респондентов в зависимости от этнокультурной ингрупповой принадлежности американских респондентов (%)

№ п/п	Содержание фактора	Этнокультурная ингрупповая принадлежность американских респондентов				
		Конкретные (специфические) недоминантные этнокультурные ингруппы			Неконкретная (неспецифическая) недоминантная этнокультурная ингруппа	Доминантная этнокультурная ингруппа
		Американцы азиатского происхождения, включая китайцев, японцев и других	Афроамериканцы	Латиноамериканцы	Смешанная; родители принадлежат к двум разным этнокультурным группам	Американцы европейского происхождения или белые американцы
1.	«У меня существует ясное ощущение моей этнической принадлежности и осознание того, что она для меня значит»	89,6	91,4	100,0	58,3	67,7
2.	«Я счастлив (а), что принадлежу именно к данной этнической группе»	86,2	96,6	94,8	70,8	81,5
3.	«У меня сильно ощущение принадлежности к моей этнической группе»	75,8	84,5	89,5	29,2	66,2
4.	«Я достаточно хорошо понимаю, что значит для меня принадлежность к моей этнической группе»	72,4	88,0	79,0	37,5	60,0
5.	«Я очень горжусь своей этнической группой»	86,2	93,1	100,0	62,5	83,8
6.	«Я чувствую сильную привязанность по отношению к моей этнической группе»	79,3	82,8	84,3	41,7	53,8
7.	«Моя культурная и этническая принадлежность создает у меня позитивное самоощущение»	89,7	96,5	94,7	95,8	81,6
8.	Всего (среднее значение)	82,74	90,41	91,76	56,54	70,66

Наибольшую внутриличностную вовлеченность в ингруппу можно констатировать у представителей неспецифических этнокультурных ингрупп американского общества, не принадлежащих к доминантной белой культуре: среди латиноамериканцев доля респондентов, выбравших при ответе на соответствующие утверждения варианты альтернатив «согласен» и «абсолютно согласен», т. е. констатировавших собственную внутриличностную вовлеченность в ингруппу, велика и стабильна (от 79,0% до 100,0%), так же как и среди афроамериканцев (от 84,5% до 96,6%). Среди американцев азиатского происхождения доля респондентов, констатировавших собственную внутриличностную вовлеченность в ингруппу, по различным аспектам данного психологического фактора идентичности находится в пределах от 72,4% до 89,7% (достаточно высока и стабильна).

Доля респондентов, представляющих неспецифическую недоминантную этнокультурную ингруппу американцев, являющихся потомками смешанных браков, нестабильна и варьирует в широком диапазоне от 29,2% до 95,8% респондентов, констатировавших собственную внутриличностную вовлеченность в ингруппу. Разброс в ответах респондентов данной группы позволяет уверенно говорить о неопределенном и неустойчивым характере внутриличностной вовлеченности в ингруппу американских респондентов — потомков смешанных браков.

Доля представителей доминантной культуры, констатировавших собственную внутриличностную вовлеченность в доминантную этнокультурную ингруппу, близка к умеренно-средней и находится в пределах от 53,8% до 83,3% по различным аспектам данного психологического фактора. Мы можем утверждать, что внутригрупповая идентичность белых американцев стабильно-диффузна. Такая идентичность, возможно, играет негативную роль в культурном самосознании белых американцев, однако в целом для американского общества стабильно диффузная личностная идентичность доминантного большинства позитивна, поскольку создает психологическое пространство для сохранения этнокультурной идентичности представителей недоминантных этнокультурных групп. Она, во-первых, обеспечивает поддержание единства и целостности общества за счет расширения этнокультурного пространства, а во-вторых, образует важное качество этого этнокультурного пространства — толерантность к иным культурам. Можно дискутировать по поводу степени этнокультурной толерантности в США к недоминантным культурам, однако следует признать сам факт того, что белая европейская культура, будучи доминантной, одновременно обеспечивает известную меру толерантности к иным этнокультурным культурам.

Несколько снижаются доли респондентов, констатировавших собственную межличностную вовлеченность в ингруппу. Среди латиноамериканцев межличностная вовлеченность охватывает по любым аспектам этого психологического фактора более

половины респондентов и находится в пределах от 52,7% до 94,7%, т. е. межличностная вовлеченность латиноамериканцев в ингруппу характеризуется категоричностью.

Среди американцев азиатского происхождения доля респондентов, констатировавших свою межличностную вовлеченность в ингруппу, по различным аспектам данного психологического фактора находится в пределах от 55,2% до 89,7%, т. е. также является большой и довольно стабильной. Однако межличностная вовлеченность и, соответственно, ингрупповая идентичность американцев азиатского происхождения менее категорична — не более 90,0%, в отличие от латиноамериканцев. Возможно, это отличие объясняется большей диффузностью их ингрупповых границ.

Среди афроамериканцев соответствующая доля респондентов несколько ниже, чем в первых двух упомянутых группах, и находится в пределах от 48,3% до 86,2%, т. е. незначительно опускается ниже пятидесятого процентиля. Причина снижения межличностной вовлеченности в ингруппу по сравнению с внутриличностной вовлеченностью в ингруппу тех же афроамериканцев — в относительной диффузности и транспарентности ингрупповых границ афроамериканской этнокультурной ингруппы.

Культура афроамериканцев в современной Америке — до известной степени понятие условное и искусственное, существующее скорее для самопротивопоставления белой культуре. Наибольшая среди всех рассмотренных нами специфических этнокультурных групп США дистанцированность от доминантной белой культуры обеспечивает достаточно высокие показатели межличностной вовлеченности афроамериканцев в ингруппу, но эта ингруппа не имеет четких границ.

Следующая недоминантная ингруппа, не обладающая четкими границами, — американцы от смешанных браков. В этой искусственной этнокультурной ингруппе доля тех респондентов, которые констатировали свою межличностную вовлеченность в ингруппу, нестабильна и по разным аспектам данного психологического фактора варьирует в пределах от 16,7% до 91,7%. Можно обоснованно утверждать, что данная ингруппа нестабильна и, по сути, — не реальная, а искусственная (неспецифическая) в силу большой этнорасовой гетерогенности своего состава.

Большая этнокультурная гетерогенность характерна также для белых американцев. В нашем исследовании доминантная этнокультурная ингруппа включает в себя не только белых американцев, родившихся в разных штатах США — от Мэриленда до Аляски и Гавайских островов, но также выходцев из таких культурно гетерогенных стран, как Италия, Великобритания, Канада, Македония и Россия. Разнородность и многочисленность этнокультурных элементов, объединяемых под общим именем доминантной (белой) культуры США, способствует диффузности данной ингруппы и уменьшению осознан-

ности этнокультурной принадлежности. Доля белых американцев, констатировавших собственную межличностную вовлеченность в ингруппу, по различным аспектам данного психологического фактора — средняя и ниже средней (от 27,7% до 64,6%), т. е. групповая идентичность белых американцев, участвовавших в нашем исследовании, мало осознанна, и эта неосознанность имеет стабильный характер.

Для современного американского общества и этнокультурной идентичности американцев имплицитно характерны умеренный уровень внутриличностной вовлеченности (среднее значение = 2,41) и средний уровень межличностной вовлеченности (среднее значение = 2,61).

Для американской выборки средние значения по обоим факторам примерно равны, а конкретные межкультурные различия в степени ингрупповой идентичности американцев объясняются, во-первых, различиями в транспарентности/герметичности границ ингрупп (транспарентность сильнее в доминантной культуре и у афроамериканцев); во-вторых, величиной межкультурной дистанции, активизирующей процесс межкультурного межгруппового сравнения, протекание которого объясняется законом Г. Тэджфела [14].

Иными словами, современное американское общество в значительной степени атомизировано и индивидуализировано в этнокультурном аспекте. Од-

Таблица 4

Сравнительный анализ показателей фактора «межличностная вовлеченность в ингруппу» американских респондентов в зависимости от этнокультурной ингрупповой их принадлежности (%)

№ п/п	Содержание фактора	Этнокультурная ингрупповая принадлежность американских респондентов				
		Конкретные (специфические) недоминантные этнокультурные ингруппы			Неконкретная (неспецифическая) недоминантная этнокультурная ингруппа	Доминантная этнокультурная ингруппа
	«Межличностная вовлеченность в ингруппу»	Американцы азиатского происхождения, включая китайцев, японцев и других	Афроамериканцы	Латиноамериканцы	Смешанная; родители принадлежат к двум разным этнокультурным группам	Американцы европейского происхождения или белые американцы
1.	«Я уделил(а) какое-то время тому, чтобы больше узнать о моей этнической группе, о ее истории, традициях и обычаях»	89,6	86,2	94,7	75,0	64,0
2.	«Я принимаю активное участие в организациях и мероприятиях, большинство членом которых — представители моей этнической группы»	62,1	48,3	52,7	16,7	35,4
3.	«Я много думаю о том, каким образом моя этническая принадлежность повлияет на мою жизнь»	55,2	60,3	57,9	25,0	27,7
4.	«Для того чтобы больше узнать о своей этнической принадлежности, я часто разговаривал с другими людьми о моей этнической группе»	82,8	82,7	89,4	91,7	41,5
5.	«Я поддерживаю культурные традиции своей этнической группы: в пище, в музыке, в обычаях»	89,7	77,6	89,5	58,3	44,6
6.	Всего (среднее значение)	75,88	71,02	76,84	53,34	42,76

нако раздельное существование систем этнокультурной диверсификации и дивергенции, с одной стороны, и социально-экономической дифференциации, с другой стороны, обеспечивает поддержание устойчивой стабильности американского социума.

Отсутствие четкой и осознанной ингрупповой вовлеченности у носителей доминантной культуры создает определенные предпосылки для развития этнокультурной ситуации в США по пути интеграции [4, с. 201—234]. Существующая в США стратегия аккультурации (ассимиляция) имеет шансы сохраниться на неопределенно долгое время, поскольку высокая внутриличностная и межличностная вовлеченность, характерная для неспецифических этнокультурных групп, вступает в противоречие с диффузным характером внутриличностной и межличностной вовлеченности представителей доминантной культуры и с открытым и толерантным характером американского социума.

В целом, так же как и в ингрупповой идентичности американских респондентов, в российской выборке верхние позиции заняты теми «мы»-аспектами, которые предполагают *совершение определенных действий*, связанных с *осознанной* самоидентификацией с этнокультурной группой, а нижние позиции — теми «мы»-аспектами, которые выражают *переживание* личностью самоидентификации с этнокультурной группой. Однако в целом средние значения по всем переменным в российской выборке выше соответствующих значений в американской выборке. Если для американских респондентов оценка действий, связанных с самоидентификацией с этнокультурной ингруппой, характеризуется в среднем ответами «согласен (согласна)» и «затрудняюсь выразить свое отношение», а оценка собственных переживаний в связи с самоидентификацией с этнокультурной группой — ответами «абсолютно согласен» и «согласен (согласна)», то, применительно к российским респондентам, оценка собственных действий, связанных с самоидентификацией с этнокультурной группой, характеризуется в среднем вариантами ответов «затрудняюсь выразить свое отношение» и «не согласен (не согласна)», а оценка переживаний в связи с самоидентификацией с этнокультурной группой характеризуется в среднем вариантами ответов «согласен (согласна)» и «затрудняюсь выразить свое отношение». Из этого следует, что среди российских респондентов ингрупповая идентичность более диффузна, а самоидентификация с этнокультурной ингруппой проявляется имплицитно слабее, чем у американских респондентов.

Межкультурное различие между американскими и российскими респондентами заключается в том, что в структуре ингрупповой идентичности российских респондентов фактор «межличностной вовлеченности в ингруппу» вообще никак не связан с переменной «Я счастлив, что я принадлежу именно к данной этнической группе». В самом деле, принадлежность к этнокультурной ингруппе воспринимается

российскими респондентами настолько естественно, что не вызывает эмоционально-аффективных переживаний — ни ощущения счастья, ни ощущения несчастья. Это характерное для *индигенной* коллективистской российской культуры явление косвенно свидетельствует о высокой толерантности российских респондентов к этнокультурной принадлежности и о том, что в российской выборке нашего исследования этнокультурная принадлежность не играет роли детерминанты в межличностных отношениях. (Термин «индигенный» — от англ. *indigenous* «местный, туземный» — позволяет противопоставить культуру коренного населения, сложившуюся естественным образом в ходе исторической эволюции на исконном месте проживания, культуре иммигрантской, сложившейся искусственным образом, привнесенной потоком иммигрантов из иных индигенных культур). Этнокультурные группы в России исторически слабо обособлены друг от друга, в отличие от США, где границы между ингруппами и аутгруппами хотя и нечетки, но вполне различимы и заметны.

Нами выявлены межкультурные различия в приоритетах российских и американских респондентов. Ингрупповая идентичность российских респондентов более рефлексивна — об этом свидетельствует доминирование в структуре обоих факторов ингрупповой идентичности россиян переменных, отражающих большую рефлексивность внутриличностной и межличностной вовлеченности в *индигенную* коллективистскую российскую культуру, их созерцательный и пассивный характер. Российские респонденты на внутриличностном уровне вовлеченности «ощущают принадлежность», а на межличностном уровне вовлеченности «часто разговаривают». Ингрупповая идентичность американских респондентов имеет менее рефлексивный, соответственно, более прагматически ориентированный характер. В результате в структуре обоих факторов имплицитной групповой идентичности американских респондентов доминируют менее рефлексивные, более прагматически и действенно ориентированные переменные. На внутриличностном уровне вовлеченности американские респонденты «гордятся», а на межличностном уровне вовлеченности «принимают активное участие в организациях и мероприятиях».

В отличие от американской выборки, внутриличностная вовлеченность в *ингруппу* в российской выборке сильнее коррелирует с *когнитивными* переменными, а не с *эмоциональными*, как у американских респондентов. Российскими респондентами принадлежность к этнокультурной группе в большей степени воспринимается как нечто само собой разумеющееся, и в меньшей степени сопровождается переживанием эмоций. Можно считать это одним из проявлений большей рефлексивности «я-концепции» российских респондентов.

В *иммигрантской* индивидуалистической американской культуре позитивные эмоции респондентов и позитивное самоотношение по поводу *ингрупповой* самоидентификации, а более конкретно — по по-

воду собственной внутриличностной вовлеченности в ингруппу, возникают на основе отношений с другими представителями ингруппы, а не на рефлексии по поводу этих отношений. В российской выборке наблюдается обратное явление — позитивные эмоции респондентов и позитивное самоотношение в связи с ингрупповой самоидентификацией с ингруппой и от собственной внутриличностной вовлеченности в ингруппу возникают именно на основе рефлексии, причем как таковые отношения с другими представителями ингруппы для российских респондентов малообязательны.

В *индигенной* коллективистской российской культуре данное явление объясняется представлением об этнокультурной ингрупповой принадлежности как о неизбежной данности, которая, в силу ее неизбежности, не требует того, чтобы ее изучать и совершать в отношении нее какие-либо активные действия, либо рефлексировать по ее поводу. Российские респонденты воспринимают

ее как данность, но не как побудительный стимул к совершению действий, которые бы ее подкрепили.

В *индигенной* коллективистской российской культуре, в отличие от *иммигрантской* индивидуалистической американской культуры, межличностная вовлеченность в ингруппу характеризуется прежде всего рефлексивными переменными, а не переменными, выражающими активно совершаемые действия. Стало быть, правомерно вести речь прежде всего о когнитивной особенности или характеристике этнокультурной идентичности — о том, что Дж. Марсиа и др. [9] называют словом «вовлеченность».

Снова подтверждается идея Л.С. Выготского [2] о возникновении интрапсихического из интерпсихического, но у американских респондентов соответствующие переменные реально доминируют в составе фактора «межличностной вовлеченности в ингруппу», тогда как у российских респондентов они отсту-

Таблица 5

Матрица факторных нагрузок фактора «внутриличностная вовлеченность в ингруппу» российских респондентов после вращения факторов (VARIMAX)

Название переменной	Значение факторной нагрузки
Я очень горжусь своей этнической группой	0,81
Я счастлив, что я принадлежу именно к данной этнической группе	0,79
У меня сильно ощущение принадлежности к моей этнической группе	0,77
Я достаточно хорошо понимаю, что значит для меня принадлежность к моей этнической группе	0,72
У меня существует ясное ощущение моей этнической принадлежности и осознание того, что она для меня значит	0,70
Моя культурная и этническая принадлежность создает у меня позитивное самоощущение	0,62
Я чувствую сильную привязанность по отношению к моей этнической группе	0,61

Таблица 6

Матрица факторных нагрузок фактора «межличностная вовлеченность в ингруппу» российских респондентов после вращения факторов (VARIMAX)

Название переменной	Значение факторной нагрузки
Для того чтобы больше узнать о своей этнической принадлежности, я часто разговаривал(а) с другими людьми о моей этнической группе	0,67
Я много думаю о том, каким образом моя этническая принадлежность повлияет на мою жизнь	0,65
Я принимаю активное участие в организациях и мероприятиях, большинство членов которых — представители моей этнической группы	0,62
Я поддерживаю культурные традиции своей этнической группы: в пище, в музыке, в обычаях	0,60
Я уделил(а) какое-то время тому, чтобы больше узнать о моей этнической группе, о ее истории, традициях и обычаях	0,59

пают перед необходимостью отрефлексировать собственную ингрупповую вовлеченность. Совершению активных действий, которыми характеризуется межличностная вовлеченность в ингруппу (поддержание культурных традиций, изучение истории, традиций и обычаев этнокультурной ингруппы) и позитивное самоощущение, рождаемое этой вовлеченностью, в российской выборке по степени важности уступают необходимости прежде всего отрефлексировать подобную вовлеченность.

Межличностная вовлеченность российских респондентов в этнокультурную ингруппу характеризуется слабостью активного участия в организациях и мероприятиях, по сравнению с американскими респондентами, для которых именно активное участие в организациях и мероприятиях (большинство членов которых — представители своей этнокультурной группы) является основной переменной, образующей фактор «межличностной вовлеченности в ингруппу». Здесь следует еще раз обратить внимание на пассивно-созерцательный характер межличностной вовлеченности в ингруппу российских респондентов. Российский респондент, как правило, проживает жизнь в окружении членов своей этнокультурной группы. Он привыкает к собственной межличностной вовлеченности и перестает ее замечать. Соответственно, он мало склонен испытывать счастье по этому поводу, воспринимая собственную межличностную вовлеченность в ингруппу естественной и неизбежной. Степень активности слабо влияет на межличностную вовлеченность российских респондентов, оставляя больше свободы для личного самоопределения и развития синергетической автономности.

На основании данных по обеим выборкам нашего исследования мы предполагаем, что представителями *специфических* этнокультурных групп, независимо от степени их доминантности в этнокультурном пространстве социума, собственная культурная и этническая принадлежность воспринимаются как явление естественное и само собой разумеющееся, не требующее сознательной рефлексии по данному поводу, также как *архетип* не требует сознательной рефлексии вовлеченности.

Напротив, от представителей недоминантной и/или *неспецифической* этнокультурной группы требуется именно сознательная рефлексия, сознательный выбор или *вовлеченность* [10] в то, с какой культурой и этничностью себя имплицитно идентифицировать. Результатом личного сознательного выбора и сознательной *вовлеченности* в ингруппу становится уменьшение диффузности данного «мы»-аспекта и более позитивное самоощущение в связи с собственной культурной и этнической принадлежностью, ведущие к формированию сознательно выбранного или *достигнутого* статуса [6] этнокультурной идентичности. Таким образом, предпрешенный статус этнокультурной идентичности образует *архетип*, тогда как достигнутый статус этнокультурной идентичности обра-

зует *вовлеченность (commitment)*. Это положение представляется нам *универсальным* (этик-чертой), поскольку оно находит подтверждение и в американской *иммигрантской индивидуалистической* культуре и в российской *индигенной коллективистской* культуре.

Российскую выборку нашего исследования характеризуют весьма посредственные показатели степени осознанности групповой этнокультурной принадлежности, равномерно распределяющиеся по всем рассмотренным этнокультурным группам. Очевидно, что в *индигенной коллективистской* культуре, такой как российская культура, межкультурная дистанция оказывается субъективно короткой, поэтому механизм, который Г. Тэджфел назвал процессом социального сравнения [15], хотя и не перестает действовать, однако имплицитно не осознается.

Доля представителей доминантной культуры, констатировавших собственную внутриличностную вовлеченность в доминантную этнокультурную ингруппу, близка к умеренно-средней и находится в пределах от 47,2% до 66,3% по различным «мы»-аспектам данного психологического фактора. Среди представителей недоминантных специфических этнокультурных групп соответствующие доли респондентов оказываются в пределах от 39,1% до 69,5%. Доля респондентов, представляющих недоминантную неспецифическую этнокультурную ингруппу россиян — потомков смешанных браков, констатировавших собственную внутриличностную вовлеченность в ингруппу, варьирует в диапазоне от 37,2% до 62,8% респондентов.

В доминантной этнокультурной группе нижняя граница интервала несколько выше, по сравнению с недоминантными группами, независимо от степени их этнокультурной специфичности. Однако, поскольку во всех группах российской выборки интервал значений фактора внутриличностной вовлеченности характеризуется примерно одинаковыми границами, то мы имеем право утверждать, что внутриличностная вовлеченность российских респондентов в ингруппу является стабильной и весьма неопределенной.

Несколько изменяются границы интервалов, когда мы переходим к анализу данных по фактору межличностной вовлеченности. Среди представителей доминантной культуры разброс значений по различным «мы»-аспектам данного психологического фактора находится в пределах от 28,1% до 75,2%. Интервал значений «мы»-аспектов фактора межличностной вовлеченности у представителей недоминантных специфических этнокультурных групп характеризуется показателями от 30,4% до 69,5%. Межличностная вовлеченность респондентов, представляющих недоминантную неспецифическую этнокультурную группу, характеризуется диапазоном значений от 21,0% до 74,7%.

Наибольший разрыв между нижней и верхней границами интервала отмечается в недоминантной неспецифической этнокультурной группе, а также в

**Сравнительный анализ показателей фактора «внутриличностная вовлеченность в ингруппу»
российских респондентов в зависимости от их этнокультурной ингрупповой принадлежности (%)**

№ п/п	Содержание фактора «внутриличностная вовлеченность в ингруппу» российских респондентов	Этнокультурная принадлежность российских респондентов		
		Русская (доминантная) этнокультурная группа	Нерусская (недоминантная специфическая) этнокультурная группа	Смешанная (недоминантная неспецифическая) этнокультурная группа
1.	«У меня существует ясное ощущение моей этнической принадлежности и осознание того, что она для меня значит»	61,8	65,2	51,2
2.	«Я счастлив, что я принадлежу именно к данной этнической группе»	66,3	60,8	55,8
3.	«У меня сильно ощущение принадлежности к моей этнической группе»	49,4	47,8	39,6
4.	«Я достаточно хорошо понимаю, что значит для меня принадлежность к моей этнической группе»	64,1	56,5	58,1
5.	«Я очень горжусь своей этнической группой»	63,4	69,5	53,5
6.	«Я чувствую сильную привязанность к моей этнической группе»	47,2	39,1	37,2
7.	«Моя культурная и этническая принадлежность создает у меня позитивное самоощущение»	58,4	47,8	62,8
8.	Всего (среднее значение)	58,66	55,24	51,17

доминантной этнокультурной группе. Очевидно, что здесь межличностная вовлеченность в этнокультурную ингруппу весьма диффузна и дисперсна, имеет нестабильный характер. В недоминантных специфических этнокультурных группах межличностная вовлеченность в этнокультурную ингруппу более осознанна и менее диффузна.

С полным основанием можно утверждать, что современное российское общество и этнокультурная идентичность россиян имплицитно характеризуются весьма умеренным уровнем внутриличностной вовлеченности (среднее значение = 2,44) и еще более умеренным уровнем межличностной вовлеченности (среднее значение = 2,82).

Эти значения примерно равны соответствующим американским показателям, межкультурные различия по ним несущественны. Однако этнокультурная атомизация и индивидуализация, при-

емлемые в *индивидуалистической иммигрантской* культуре, способны порождать напряженность в культуре другого типа — *индигенной и коллективистской*. В российской культуре нами не выявлено активного процесса межкультурного межгруппового сравнения по причине имплицитно короткой межкультурной дистанции, в отличие от американской культуры. Но для более полной этнокультурной гармонизации российского социума, на наш взгляд, необходимо, чтобы осуществление структурной модернизации в России учитывало тысячелетние российские этнокультурные особенности. Иными словами, стабильно-диффузная внутриличностная и межличностная вовлеченность, характерная для российских этнокультурных групп, не должна вступать в противоречие с усилиями по трансформации исконно коллективистской российской культуры.

Сравнительный анализ показателей фактора «межличностная вовлеченность в ингруппу» российских респондентов в зависимости от их этнокультурной ингрупповой принадлежности (%)

№ п/п	Содержание фактора «межличностная вовлеченность в ингруппу» российских респондентов	Этнокультурная принадлежность российских респондентов		
		Русская (доминантная) этнокультурная группа	Нерусская (недоминантная специфическая) этнокультурная группа	Смешанная (недоминантная неспецифическая) этнокультурная группа
1.	«Я уделил(а) какое-то время тому, чтобы больше узнать о моей этнической группе, о ее истории, традициях и обычаях»	75,2	69,5	74,7
2.	«Я принимаю активное участие в организациях и мероприятиях, большинство членов которых — представители моей этнической группы»	38,8	34,7	32,6
3.	«Я много думаю о том, каким образом моя этническая принадлежность повлияет на мою жизнь»	28,1	30,4	21,0
4.	«Для того чтобы больше узнать о своей этнической принадлежности, я часто разговаривал с другими людьми о моей этнической группе»	34,3	52,1	30,3
5.	«Я поддерживаю культурные традиции своей этнической группы: в пище, в музыке, в обычаях»	55,1%	43,4%	48,9%
6.	Всего (среднее значение)	46,3	46,02	41,5

Литература

1. *Выготский Л.С.* Проблема культурного развития ребенка // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1991. № 4.
2. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: В 6 т. М., 1983.
3. *Atkinson D.R., Morten G., Sue D.W.* Counseling American Minorities: A Cross-Cultural Perspective. Dubuque, Iowa, 1979.
4. *Berry J.* Psychology of Acculturation // Nebraska Symposium on Motivation: Cross-Cultural Perspectives. Lincoln, 1990.
5. *Berry J.W.* Ethnic Identity in Plural Societies // Ethnic Identity: Formation and Transmission among Hispanics and Other Minorities. New York: State University of N.Y., 1993.
6. *Cheek J.M.* Identity Orientations and Self-Interpretation // D.M. Buss & N. Cantor (Eds.) Personality Psychology: Recent Trends and Emerging Directions. N.Y., 1989.
7. Encyclopedia of Psychology / Ed. by A. Kazdin. 8 Vols. Oxford, N.Y., 2000. Vol. 2.
8. *Lindesmith A.R., Strauss A.L., Denzin N.K.* Social Psychology. Thousand Oaks: Sage Publications, 1999.

9. *Marcia J.E. et al.* Ego Identity: A Handbook for Psychosocial Research. N.Y., 1993.
10. *Matteson D.R.* Alienation vs. Exploration and Commitment: Personality and Family Correlaries of Adolescent Identity Statuses: Rapport fra Projekt for Ungdomsforskning. Kobenhavn: Projekt for Ungdomsforskning, 1974.
11. *Phinney J.* The Multigroup Ethnic Identity Measure: A New Scale for Use with Adolescents and Young Adults from Diverse Groups // Journal of Adolescent Research. 1992. No. 7.
12. *Phinney J.P., Landin J.* Research Paradigm for Studying Ethnic Minority Families Within and Across Groups // Studying Minority Adolescents. Conceptual, Methodological and Theoretical Issues. Mahwah, New Jersey, London, 1998.
13. *Shotton J.* Cultural Politics of Everyday Life: Social Constructionism, Rhetoric and Knowing of the Third Kind. Toronto: University of Toronto, 1993.
14. *Tajfel H.* Social Categorization. English MS. of La Categorisation Sociale // Introduction a la psychologie sociale. Vol. I. Paris, 1972.
15. *Tajfel H.* Differentiation Between Social Groups: Studies in the Social Psychology of Intergroup Relations. European Monographs in Social Psychology, No. 14. London, 1978.
16. *Tajfel H.* Human Groups and Social Categories. Studies in Social Psychology. Cambridge, 1981.

L.S. Vygotsky's Theory and Cross-cultural Differences in Ingroup Identification (Joint Russian-American Research)

Yu.V. Stavropolsky

Ph. D. in Sociology, associate professor at the Chair of Psychology, Chernyshevsky Saratov State University

---

This research represents an attempt to contribute to cross-cultural psychology development on the part of the Russian science of psychology, since an outstanding Russian psychologist and thinker L.S. Vygotsky was among the founders of cross-cultural psychology. The presented research consists in a factor analysis of ingroup ethnocultural identity of Russian and American respondents. Respondents have been offered a questionnaire of Multigroup Ethnic Identity Measure by J. P. Phinney. The principal idea by L. S. Vygotsky on the intrapsychic being born out of the interpsychic has been supported with its empirical evidence. Cross-cultural differences in the structure of ingroup identification priorities of the Russian and American respondents have been revealed.

Key words: identity, ethnocultural, ingroup, factor, commitment, facet, comparison.

References

1. *Vygotskii L.S.* Problema kul'turnogo razvitiya rebenka // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 14. Psihologiya. 1991. № 4.
2. *Vygotskii L.S.* Sbranie sochinenii: V 6 t. M., 1983.
3. *Atkinson D.R., Morten G., Sue D.W.* Counseling American Minorities: A Cross-Cultural Perspective. Dubuque, Iowa, 1979.
4. *Berry J.* Psychology of Acculturation // Nebraska Symposium on Motivation: Cross-Cultural Perspectives. Lincoln, 1990.
5. *Berry J.W.* Ethnic Identity in Plural Societies // Ethnic Identity: Formation and Transmission among Hispanics and Other Minorities. New York: State University of N.Y., 1993.
6. *Cheek J.M.* Identity Orientations and Self-Interpretation // D.M. Buss & N. Cantor (Eds.) Personality Psychology: Recent Trends and Emerging Directions. N.Y., 1989.
7. Encyclopedia of Psychology / Ed. by A. Kazdin. 8 Vols. Oxford, N.Y., 2000. Vol. 2.
8. *Lindesmith A.R., Strauss A.L., Denzin N.K.* Social Psychology. Thousand Oaks: Sage Publications, 1999.
9. *Marcia J.E. et al.* Ego Identity: A Handbook for Psychosocial Research. N.Y., 1993.
10. *Matteson D.R.* Alienation vs. Exploration and Commitment: Personality and Family Correlaries of Adolescent Identity Statuses: Rapport fra Projekt for Ungdomsforskning. Kobenhavn: Projekt for Ungdomsforskning, 1974.
11. *Phinney J.* The Multigroup Ethnic Identity Measure: A New Scale for Use with Adolescents and Young Adults from Diverse Groups // Journal of Adolescent Research. 1992. No. 7.
12. *Phinney J.P., Landin J.* Research Paradigm for Studying Ethnic Minority Families Within and Across Groups // Studying Minority Adolescents. Conceptual, Methodological and Theoretical Issues. Mahwah, New Jersey, London, 1998.
13. *Shotter J.* Cultural Politics of Everyday Life: Social Constructionism, Rhetoric and Knowing of the Third Kind. Toronto: University of Toronto, 1993.
14. *Tajfel H.* Social Categorization. English MS. of La Categorisation Sociale // Introduction a la psychologie sociale. Vol. I. Paris, 1972.
15. *Tajfel H.* Differentiation Between Social Groups: Studies in the Social Psychology of Intergroup Relations. European Monographs in Social Psychology, No. 14. London, 1978.
16. *Tajfel H.* Human Groups and Social Categories. Studies in Social Psychology. Cambridge, 1981.